

Наука глазами преподавателей российских классических университетов

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-74-92

Дежина Ирина Геннадиевна – д-р экон. наук, руководитель Аналитического департамента научно-технологического развития¹, ведущий научный сотрудник², ORCID: 0000-0002-3402-3433, Research ID: F-7485-2014, i.dezhina@skoltech.ru

¹ Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия

Адрес: 121205, г. Москва, Большой б-р, 30, стр. 1

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Адрес: 634050, г. Томск, пр-кт Ленина, 36

Аннотация. В статье исследуется саморефлексия научно-педагогических работников российских классических университетов по поводу состояния и тенденций развития науки в вузах. Целью было определить основные характеристики научной деятельности, какими их видят преподаватели университетов, в которых проведение научных исследований – давняя традиция. Это позволяет выделить «болевы́е точки науки» в представлении научного сообщества. Исследование проводилось методом глубинных интервью, в которых все вопросы были открытыми. Сами информанты выделяли темы, которые, по их мнению, характеризуют состояние вузовской науки. При таком подходе важным результатом становится определение не только круга наиболее актуальных тем, но и того, что несущественно для информантов. Было проинтервьюировано 60 человек из четырёх университетов. Результаты обрабатывались методом тематического кодирования.

Исследование позволило выделить три темы, которые обсуждались в подавляющем большинстве интервью: бюрократизация отчётности в области научных исследований, проблемы финансирования, включая гранты и государственное задание, а также трудности привлечения новых кадров в науку. Было выявлено, что бюрократическая нагрузка, касающаяся отчётности по научным исследованиям, не снижается и усложняет выполнение обязанностей, связанных с образовательной деятельностью. Финансирование исследований с учётом инфляции несколько снижается, а обеспечение притока молодёжи в науку представляет собой серьёзную проблему. Препятствия связаны не только с финансовыми аспектами, но и с престижем профессии. По итогам исследования сформулировано несколько предложений, направленных на смягчение выявленных проблем вузовской науки.

Ключевые слова: наука в вузах, ведущие университеты, саморефлексия, финансирование, привлечение молодёжи в науку, бюрократизация, отчётность, эффективный контакт

Для цитирования: Дежина И.Г. Наука глазами преподавателей российских классических университетов // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 7. С. 74–92. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-74-92

Science as Perceived by Russian Classical University Faculty

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-74-92

Irina G. Dezhina – Dr.Sci. (Economics), Head of the Analytical Department for Scientific-Technological Development¹, Leading Researcher², ORCID: 0000-0002-3402-3433, Researcher ID: F-7485-2014, i.dezhina@skoltech.ru

¹ Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russian Federation

Address: 30, Bol'shoy blvd., bldg. 1, Moscow, 121205, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Address: 36, Lenina ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract. The article explores the self-reflection of faculty employed at leading Russian universities about the state and trends in the development of scientific research. The objective of this study was to identify the characteristics of scientific work as perceived by faculty members at universities. This approach facilitates the identification of “pressing points” within the scientific community. The research was conducted via in-depth interviews, in which all questions were open-ended. The informants themselves identified the subjects that, in their opinion, best characterize the state of university science. A total of 60 individuals from four universities participated in the interviews. The subsequent analysis of the results employed the thematic coding method.

The study identified three themes that emerged in the majority of the interviews: the bureaucratization of reporting, funding issues (including grants and government assignments), and difficulties in attracting new researchers to science. A review of interviews suggests a correlation between the increasing administrative burden associated with research reporting and the potential for it to impede the fulfillment of teaching obligations. A decline in research funding has been observed due to the impact of inflation. Ensuring the continued influx of young individuals into science has been identified as a pressing concern. The problems of attracting young people to science are related both to financial aspects and to the prestige of the profession. The study yielded several proposals aimed at mitigating the identified problems of research in universities.

Keywords: science in universities, leading universities, self-reflection, funding, attracting youth to science, bureaucratization, accountability, effective contracting

Cite as: Dezhina, I.G. (2025). Science as Perceived by Russian Classical University Faculty. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 34, no. 7, pp. 74-92, doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-74-92 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Исследованиям состояния российской науки посвящено немало работ. Что происходит с наукой, в каком направлении она движется, как меняются параметры её фи-

нансового и материального обеспечения, какие меры принимаются для укрепления кадрового потенциала и привлечения молодёжи в науку, насколько эффективны государственные программы поддержки науки

и т. п. – все эти вопросы привлекают постоянное внимание специалистов по экономике, социологии, истории науки и науковедению.

Сейчас в связи с необходимостью формирования технологического суверенитета ракурс анализа начинает смещаться. Возникают вопросы, касающиеся достаточности ресурсов, финансовых и кадровых, для переориентации на решение новых научных задач, необходимых изменений в системе управления наукой на разных уровнях, в университетах и научных институтах, а также факторов, способствующих и препятствующих полноценному участию науки в новой технологической повестке. Ответы можно искать на макроуровне, через анализ формальных показателей и оценку государственных инициатив. Альтернативный подход состоит в изучении состояния сферы науки через саморефлексию преподавателей и исследователей, не обязательно хорошо знакомых с правительственными инициативами и нововведениями. Это один из информативных индикаторов её фактического состояния.

Анализу именно такого взгляда на науку посвящена данная статья. Она основана на результатах интервью с преподавателями в нескольких ведущих классических университетах, где занятие научными исследованиями – дело не только обязательное, но и естественное. Какой видят науку преподаватели ведущих вузов? На что обращают внимание? Что их тревожит? Эти вопросы находятся в центре исследования. В интервью намеренно не задавались параметры оценки. Учёные могли говорить о том, что они сами полагают важным. Поэтому итогом можно считать не только то, о чём и как рассказывали информанты, но и то, о чём они не вспоминали.

При анализе интервью определилось три ключевых направления, связанных с состоянием и изменениями науки в вузах: отчётность и бюрократия в связи с эффективным контрактом, финансирование исследований, а также вопросы притока молодёжи в вузовскую науку, включая роль аспирантуры.

Обзор литературы

Обзор литературы мы проводим по трём направлениям, на которых сосредоточено внимание в данной статье. Мы рассматриваем освещение проблем (1) эффективного контракта в части учёта научной работы российских преподавателей, (2) финансирования вузовской науки, включая плюсы и минусы грантовой системы, и (3) привлечения молодёжи в вузовскую науку.

В исследованиях показано, что усиление отчётности по научным исследованиям и рост бюрократизации произошли после введения в 2012 г. эффективного контракта [1]. Такой феномен был отмечен в целом ряде работ [2–6]. Он связывается с переходом к новому менеджериализму в управлении наукой в университетах. В эффективном контракте заданы параметры результативности научных исследований, и прописаны два компонента оплаты труда – оклад и стимулирующие выплаты. Обязательство вести научную работу сопровождается количественными критериями оценки её результатов. Оплата становится выше у тех, кто улучшает показатели своей научной работы [4], за счёт дополнительной (стимулирующей) поддержки [7]. Даже когда контракты продляют практически автоматически, важно продемонстрировать определённую публикационную активность [8]. При этом размер стимулирующих выплат за публикации может варьироваться в диапазоне от 20% до 200% от основной части оклада [9]. Такой подход удобен в первую очередь управленческому персоналу, для принятия решений о перераспределении ресурсов между исследовательскими группами [10].

В литературе можно найти оценки, показывающие, что эффективный контракт и система выплат способствовали росту результативности научных исследований [5; 11]. В то же время есть и опровергающие такую связь исследования [12]. Вероятно, на результаты влияют разные параметры, включая размер стимулирующих выплат. Если надбавки к зарплате незначительные,

то материальный стимул не играет большой роли. Если наоборот, слишком большие, то это искажает мотивацию и начинается погоня за тем, чтобы опубликовать статью в журнале нужного квартала. По оценке, приведённой в [13], около 60% преподавателей вузов считают себя именно преподавателями, а не исследователями, и потому прессинг отчётности по научной работе становится для них очень тяжёлым. Отмечались случаи трансформации научной этики, связанные с публикационной активностью, например, воспроизведение частей собственной работы автором в новых статьях или повторная её публикация в качестве нового издания, формирование сетей взаимного цитирования, когда группа авторов постоянно ссылается друг на друга, чтобы повысить индекс Хирша [14]. Распространившиеся практики наращивания числа статей продемонстрировали отрицательную модель поведения, которую могут воспринять молодые исследователи, не имеющие опыта научной работы в других условиях.

При этом отчётность усиливалась на фоне не снижающейся, а даже растущей преподавательской нагрузки [15], что могло негативно влиять на качество преподавания из-за сокращения времени на подготовку к занятиям со студентами.

Второй фактор влияния на формальную отчётность и рост бюрократизации – это так называемые программы превосходства, где также стимулировалась публикационная активность путём привязки к дополнительным выплатам. Среди программ российского правительства наиболее детально изучен Проект «5-100» [16; 17]. По некоторым оценкам, он способствовал росту бюрократизации и проявлению растущей иерархии [14; 18; 19], которая выразилась в появлении дополнительных звеньев при принятии решений¹, а также выстраивании более жёсткой вертикали власти внутри университе-

тов. На уровне вузов стали практиковаться не вполне этичные подходы к наращиванию числа публикаций. Они подробно описаны в работе [19]. В качестве примеров можно привести «покупки аффилиаций», когда на удалённую работу принимаются специалисты, без требований посещать организацию, для наращивания числа публикаций и цитирований. При найме зарубежных учёных это позволяет также продемонстрировать расширение международной кооперации.

Эффективный контракт учитывает и финансовые показатели работы преподавателей, включая наличие заявок на гранты и полученное по ним финансирование. Таким образом, гранты стали не только источником средств, но и отчётным показателем.

Грантовое финансирование продолжает оставаться остро дебатруемым инструментом поддержки научных исследований. Его преимущества связывают с решением вопросов конкурентоспособности, узнаваемости учёного, возможностями тратить средства по своему усмотрению, в том числе на научные командировки и приобретение оборудования [20]. Помимо этого, во многом благодаря грантам стало развиваться международное научное сотрудничество [21]. А оно, как известно, способствует росту результативности исследований [22–24]. К недостаткам относят то, что финансирование по грантам в России относительно небольшое, а также есть неравенство при распределении средств по областям исследований, и даже коррупционные проявления [20]. Согласно опросу исследователей, имеющих опыт выполнения грантов российских научных фондов, из более 60 субъектов Российской Федерации каждый пятый отмечал неравенство при распределении средств грантов среди разных областей науки, каждый десятый столкнулся с коррупционными проявлениями. По мнению респондентов, получение грантовой поддержки не всегда сопряжено с

¹ По образному выражению одного из информантов, «то, для чего раньше нам надо было получить 5 подписей, сейчас стоит 15» [14, с. 81].

прозрачными правилами отбора, при равных шансах нескольких заявок могут иметь место факторы влияния личных предпочтений и научных связей, существующих в научной среде [20].

Финансирование на основе грантов в России практически исключительно государственное. В целом в российской науке основным источником финансирования остаётся государственный бюджет, и вузовская наука не является исключением. В последние 15 лет доля бюджетных источников в поддержке вузовской науки колебалась на уровне 60–70%², а финансирование со стороны предпринимательского сектора не превышало 30%. Более того, за 2022–2023 гг. оно снизилось почти на 5 п.п., что делает государственную поддержку ещё более значимой.

Бюджетное финансирование исследований распределяется и на основе государственного задания. Госзадание может быть небольшим в расчёте на одного исследователя, но оно достаточно стабильное и позволяет отчасти поддерживать инфраструктуру [25]. К сожалению, система распределения госзадания недостаточно прозрачная и поэтому сложно проанализировать критерии выделения средств.

Наконец, неизменно актуальной темой применительно к сфере науки остаётся привлечение в неё молодёжи. Российское правительство на протяжении десятилетий реализует разнообразные меры по стимулированию притока молодёжи в науку, как в форме прямой поддержки [26], так и в составе инициатив и проектов, направленных на повышение конкурентоспособности отечественных научных институтов и вузов. Но, видимо, этого недостаточно: как показывает статистика, доля исследователей в возрасте до 29 лет в вузовской науке растёт не-

значительно, и ненамного превышает долю молодёжи в науке страны в целом. По последним имеющимся данным (за 2023 г.), их доля в вузовском секторе науки составляла 17,5%, а суммарно по всем секторам науки – 16,1%³. Хотя, казалось бы, вузам намного проще привлечь новые кадры, поскольку там проходит подготовку абсолютное большинство аспирантов. По данным на 2023 г., в вузах обучалось 87% всех аспирантов⁴. При этом за последние два года произошёл существенный скачок в их численности: если в 2021 г. прирост числа аспирантов в вузах составил 4% к предыдущему году, то в 2022 г. – 22,3%, а в 2023 г. – ещё 10,7%. С точки зрения успешности функционирования сферы науки важен и баланс разных возрастов. Здесь положение в вузовской науке также мало отличается от наблюдаемого в стране в целом: доля тех, кому 30–39 лет, практически не меняется, а в 2023 г. слегка сократилась. Не происходит восполнения прежних возрастных «провалов». Поколение 50–59-летних незначительное, и его удельный вес даже несколько снижается. Это тревожный знак, показывающий, что молодёжь «протекает» через сферу науки, надолго в ней не задерживаясь.

Опросы среди молодёжи свидетельствуют о том, что работа в науке для них непривлекательна из-за неконкурентоспособной зарплаты [27; 28]. Более того, по оценкам ВШЭ, 53% молодёжи считают научную работу ещё и скучной [28].

Исследователи отмечают такие мотивы оттока молодёжи из науки, как нестабильность грантового финансирования при низкой базовой зарплате и отсутствии других форм поддержки, недостаточная материальная база исследований, снижающая конкурентоспособность [29]. Низкий уровень

² Индикаторы науки: 2025. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2025. С. 248. URL: <https://issek.hse.ru/news/1013096647.html> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Индикаторы науки: 2025. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2025. С. 49, 237. URL: <https://issek.hse.ru/news/1013096647.html> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Индикаторы науки: 2025. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2025. С. 60. URL: <https://issek.hse.ru/news/1013096647.html> (дата обращения: 10.04.2025).

Таблица 1

Изменение численности выпускаемых вузами аспирантов и доли защит диссертаций
по окончании аспирантуры

Table 1

Change in the Number of Graduate Students Graduating from Higher Education institutions
and the Share of Defenses of Thesis upon Completion of Graduate Studies

Год	Выпуск аспирантов, чел	В том числе с защитой дисс., чел	% защитившихся
2010	29 268	8854	30,3
2015	22 971	4318	18,8
2020	11 763	1052	8,9
2023	11 703	1334	11,4

Источник: Индикаторы науки: 2025. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2025. С. 60.

Source: Science indicators: 2025. Statistical collection. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2025. P. 60.

базовой зарплаты отмечается и в других исследованиях [30], наряду с такими факторами, как неэффективность аспирантуры и отсутствие у преподавателей возможности заниматься серьёзными научными исследованиями из-за перегруженности учебной работой. Ещё один фактор – это падение престижа профессии преподавателя и учёного, в том числе как следствие бюрократизации высшей школы [31].

Недостаточная эффективность аспирантуры в вузах ясно просматривается и по данным официальной статистики (Табл. 1). Доля выпускников аспирантуры, защищающих диссертацию в срок, упала за период 2010–2023 гг. в 3 раза. Стал существенно меньше и общий выпуск аспирантов в абсолютном выражении: в 2023 г. по сравнению с 2010 г. он сократился на 60%.

Из общего числа выпускников аспирантуры планируют заниматься научными исследованиями и преподаванием чуть более половины [32], что коррелирует с другими оценками [33], показывающими, что только около половины выпускников аспирантуры остаются работать в сфере образования и науки. Согласно данным опроса, 152 аспирантов различных направлений подготовки Южного федерального университета, Кабардино-Балкарского государственного университета и Донского государственного технического университета, по значимости

жизненных сфер аспирантов первые два места занимают увлечения и семейная жизнь, а обучение и образование – последнее [33].

В этой связи любопытны оценки мотивов поступления в аспирантуру. Здесь результаты разнятся в зависимости от структур выборок. Опросы показывают, что около трети аспирантов хотят получить учёную степень безотносительно дальнейших занятий, и только 20% – чтобы заниматься научной работой [34]. Чуть меньше 20% хотели за счёт аспирантуры получить отсрочку от армии. При этом лишь 17,5% посчитали научную деятельность своим призванием [34]. В целом «неакадемическая» мотивация имеет важное значение для значительной части аспирантов [35].

Неэффективность аспирантуры может быть связана и с тем, что аспиранты вынуждены работать, и далеко не всегда в научно-образовательной сфере. На это обращается внимание в целом ряде эмпирических работ [27; 34; 36]. Вместе с тем доля тех, кто упоминает необходимость работать в качестве барьера для обучения в аспирантуре, сильно различается от исследования к исследованию.

Таким образом, из обзора литературы следует, что уровень бюрократической нагрузки на преподавателей в связи с научной работой не снижается, есть непрозрачность финансирования исследований, хотя грантовая система скорее имеет больше поло-

Таблица 2

Основные характеристики информантов

Table 2

Main Characteristics of Informants

Показатель	Численное значение	Доля от совокупности опрошенных
<i>Области наук</i>		
Естественные и технические	33	55%
Общественные и гуманитарные	27	45%
<i>Учёные степени</i>		
Кандидаты наук	23	38%
Доктора наук	37	62%
<i>Возраст</i>		
Есть опыт работы в советское время	41	68%
Нет	19	32%
Всего	60	100%

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

жительных сторон, чем недостатков. Также фиксируется низкий интерес не только молодёжи, но даже и аспирантов к карьере в научно-образовательной сфере.

Методика исследования

Исследование проводилось в 2023–2024 гг. методом глубинных интервью продолжительностью от 45 минут до 3 часов в четырёх классических университетах: Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), Национальном исследовательском Томском государственном университете (ТГУ) и Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ). Всего в качестве экспертов выступило 60 человек, по 15 из каждого вуза.

Выбор университетов обусловлен тематикой проекта РНФ, в рамках которого проводились интервью. В проекте рассматриваются разрывы и преемственность в работе университетов на протяжении трёх временных периодов (имперский, советский и постсоветский), и в центре внимания находятся университеты, чью историю можно проследить на таком длительном интервале.

Выборка формировалась следующим образом: сначала направлялось письмо руко-

водству университета с просьбой помочь с выбором информантов, так, чтобы они представляли разные возрастные группы и дисциплины, а затем этот список, как правило, пополнялся информантами, найденными путём рассылки писем или на основе личных контактов.

Основные характеристики информантов представлены в *таблице 2*. Итоговая выборка не отражает сложившихся в стране пропорций между дисциплинами, полом или возрастом. Среди информантов чуть преобладают представители естественных и технических наук, большинство имеет учёную степень доктора наук, лиц без степени в выборке не было. С точки зрения возрастной структуры две трети информантов имели опыт работы в университете в советское время.

Анкета включала только открытые вопросы. Состояние вузовской науки и произошедших в ней изменений было одной из обсуждавшихся тем. Релевантными для её раскрытия оказались мнения информантов о престиже профессии преподавателя и о работе аспирантуры. Анализ интервью был проведён методом тематического кодирования.

Преподавателям была предоставлена свобода в выборе того, что они готовы рас-

сказать о состоянии науки в своём университете, поэтому обсуждавшиеся темы сами по себе являются индикативными. Они показывают, что тревожит преподавателей и/или через какую призму они смотрят на свою научную работу. Основных тем оказалось три:

- рост формализации при учёте научных результатов и в целом бюрократических процедур, связанных с эффективным контрактом;
- особенности финансирования научных исследований, позитивные и негативные аспекты грантового финансирования;
- сложности привлечения в науку молодёжи, включая проблемы подготовки кадров в аспирантуре.

Основные результаты

Эффективный контракт и отчётность

Если выстраивать обсуждавшиеся темы по частоте их упоминания, то на первый план выходят вопросы отчётности, касающейся выполнения научных исследований. Информанты говорили о давлении формальных показателей, о том, что отчётность построена таким образом, что из зоны внимания уходит собственно суть проводимой работы и то, чего удалось достичь в ходе исследования. Получается, что работа ведётся не для развития науки, а для достижения показателей. Это беспокоило как опытных специалистов, так и молодых научно-педагогических работников:

«В современном университете очень стали на первый план выходить формальные показатели, когда не учитывается суть деятельности» (д-р ист. наук, СПбГУ, нет советского опыта);

«Сейчас всё сильно забюрократизовано. И всегда гонка за показателями: статьи в Web of Science и Scopus, патенты. ... ты за год можешь написать 2 хорошие статьи, но не 10, как требуется у нас. Качество и количество – это разные вещи» (д-р хим. наук, ТГУ, есть советский опыт).

Как следствие, происходит гонка за числом статей, докладов на конференциях, патентов и т. п., поскольку именно это стало главным, что требуется от результатов исследований, а не их значимость или полезность. Соответственно, появляются недобросовестные практики. Ситуация ослабления этических норм хорошо описана в литературе. По всей видимости, заметных сдвигов здесь не происходит.

«Стало больше публикаций, стало больше деятельности. Есть определённые перегибы, когда в погоне за количеством публикаций страдает их качество, делаются какие-то заказные платные журналы для того, чтобы получить просто количество публикаций» (д-р геол.-минерал. наук, КФУ, есть советский опыт).

Помимо этого, отмечалось, что формальная отчётность и публикационная гонка отвлекают от преподавательской работы:

«Сейчас гонка статей есть. Проблема в том, что учебная работа сжирает всё, а оценивают тебя по научному рейтингу. Это главное противоречие. Ты должен выдавать науку, если хочешь проходить конкурс» (канд. ист. наук, МГУ, нет советского опыта).

По всей видимости, подготавливаемые статьи тематически не встраиваются в образовательный процесс. Поэтому образовательная деятельность и научная работа сосуществуют, но не интегрируются. Из интервью складывалось впечатление, что наука нередко воспринимается как некая обуза, мешающая спокойно вести обучение студентов. Но были единичные случаи, когда информанты говорили о том, что без занятия наукой преподавательская деятельность будет ограниченной, а передаваемые студентам знания быстро устаревать.

Были и редкие позитивные отклики об эффективном контракте и требуемой по нему отчётности, преимущественно от молодых информантов:

«В целом, основным критерием стали публикации. Да, сначала эта система

встречала много препятствий, многие её не принимают. Я считаю, это прогрессивная история» (канд. экон. наук, МГУ, нет советского опыта).

Уровень финансирования и материального обеспечения науки

Финансирование науки обсуждалось в нескольких проекциях: его размеры, формы и последствия. Традиционно звучали слова о фактическом снижении объёмов финансирования исследований:

«Теперь в университете стало намного меньше денег на науку. И меньше времени на неё... Всё-таки преподавание тоже большое, меньше времени на статьи» (д-р экон. наук, МГУ, есть советский опыт);

«Начали снижать финансирование. Говорили, чтобы мы на грантах зарабатывали, как на Западе. Но на Западе это дополнительный приработок, а не основная зарплата» (д-р физ.-мат. наук, КФУ, есть советский опыт).

В том числе затрагивалась тема недостаточности материальной базы исследований, отсутствия собственного научного оборудования:

«У нас нет своей техники нужной. Мы всё покупаем у американцев, у китайцев, у немцев немножечко покупаем, мы сейчас везём всё из-за границы» (канд. физ.-мат. наук, ТГУ, есть советский опыт).

Среди форм финансирования упоминались госзадание и гранты. Грантам было уделено значительно больше внимания, поскольку там больше средств, выше требования и разнообразнее последствия, как позитивные, так и отрицательные. По контрасту госзадание рассматривается как «лёгкие» средства, по поводу которых нет больших ожиданий и ответственности:

«Госзадание у нас, ну не только у нас, наверное, везде, на год, по-моему, около 12 миллионов. На этих деньгах сидит человек, наверное, 15 примерно. Стоит отметить, что там и требования небольшие, 7–6 статей, и не больно-то какого качества они там требуются. Мы считаем это лёгкими

государственными деньгами» (канд. физ.-мат. наук, КФУ, нет советского опыта).

В контексте грантовой системы требования по числу и качеству публикаций воспринимались как более разумные и оправданные по сравнению с эффективным контрактом. Было немало положительных откликов о грантовом финансировании:

«Всё-таки величайшим достижением в науке было введение грантовой системы. Как бы мы ни относились сегодня, в целом это дало положительный эффект для развития публикационной активности» (д-р биол. наук, ТГУ, есть советский опыт).

Примечательно, что именно с грантами фондов информанты связывали развитие международных связей. Часто об этом говорилось в прошедшем времени:

«Гранты не дают. ...они помогают. ... моя первая большая поездка – в американский университет в 2002 году. Я считаю, что зарубежные поездки дали очень много» (д-р ист. наук, КФУ, есть советский опыт);

«Улучшение настало только тогда, когда у наших сотрудников появилась возможность влиться в мировую науку, когда наши сотрудники могли стажироваться по грантам где-нибудь за границей. И к нам приезжали, конечно. Международные связи – это основа любой науки. Если международных связей нет – ставьте на этом деле крест» (канд. физ.-мат. наук, ТГУ, есть советский опыт).

В ретроспективе наиболее позитивно грантовая система оценивается для периода, когда сосуществовали разные научные фонды. Об этом говорили те, кто застал диверсифицированную систему, в которой сосуществовали РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований), РГНФ (Российский гуманитарный научный фонд), а также частные российские фонды.

«РФФИ 2000-х годов, он гораздо либеральнее был, чем РНФ [Российский научный фонд]. Не выдвигал всё время новых требований. Типа, не пиши совместные работы, не благодари так, не покупай это, не опла-

чивай командировки туда-то...» (д-р физ.-мат. наук, СПбГУ, есть советский опыт).

По мнению информантов, раньше также грантовое финансирование было более существенным по объёму. Отмечалось, что размеры грантов со временем практически не изменились, а инфляция существенно выросла, и теперь на те же самые средства нельзя обеспечить достойную прибавку к зарплате, оплатить командировки или закупку необходимых для работы лабораторных материалов.

«Грантовая поддержка была лучше. Грант давал не ещё одну зарплату, а, может, тройную. И командировки в архивы были, и зарубежные конференции» (д-р ист. наук, МГУ, есть советский опыт).

К проблемам грантовой системы были отнесены необходимость подстройки под приоритеты фондов, тем более если фонд – единственный:

«Мы ценим очень высоко возможность получать дополнительные средства. Но, на мой взгляд, грантовая тематика, она не всегда совпадает с мейнстримом научного развития учёного» (д-р ист. наук, СПбГУ, есть советский опыт);

«Погоня за грантами связана с трендами. Это сложность, когда нужно свою работу подогнать под направление, где ты с большей вероятностью получишь грант» (д-р биол. наук, МГУ, есть советский опыт).

Нередко звучало мнение, что внутри научного сообщества грантовая система приводит к расслоению, не всегда оправданному, поскольку она в стране не диверсифицирована и все обращаются в один научный фонд:

«...мне кажется, что гораздо больше стало расслоение в доходах. Есть люди, которые выигрывают много грантов, иногда это большие гранты, и тогда это действительно очень серьёзный уровень оплаты. А люди, которые в меньшей степени этим заняты, там такого нет, конечно» (д-р геол.-минерал. наук, СПбГУ, есть советский опыт);

«В реальности получается, что фонд один, который выдаёт эти гранты, этот

самый РФФ. И все, понятно, не могут получить эти гранты. ... тот получает в разы больше, у кого гранты, а у кого нет, получает, соответственно, абсолютно другие деньги» (д-р ист. наук, СПбГУ, есть советский опыт);

«Система грантового финансирования рассчитана на конкуренцию внутри университета. Что вот эти получают грант, а другие не получают, потому что эти лучше написали заявку, эти хуже написали заявку. Неважно, что одни занимаются асинхронными двигателями, другие занимаются роботами. У этих уже был грант, значит, им дадим новый. А у этих не было, значит, им точно не дадим. Деньги к деньгам, ну и так далее. И система распределения грантов, когда идёт соревнование между отдельными учёными, между отдельными коллективами, приводит к раздробленности вместо консолидации» (д-р физ.-мат. наук, СПбГУ, есть советский опыт).

Были и резко негативные суждения о том, что грантовая система искажает систему стимулов и ценностей в науке, и для будущего науки это плохо. Аргументировалось данное утверждение тем, что у фонда (речь шла преимущественно о РФФ) нет интереса к научным результатам, и всё сведено к набору формальностей, связанных с публикациями и выступлениями на конференциях:

«Я считаю, что вот сейчас эта система грантов – это пагубная система. На грантах кадров не вырастешь, вырастешь грантохватавателей» (д-р ист. наук, ТГУ, есть советский опыт);

«Грантовая система – это совершенно уродливая система, которая не интересуется конечным результатом, а интересуется количеством печатных работ, опубликованных якобы по итогам выполнения заявки» (д-р физ.-мат. наук, СПбГУ, есть советский опыт).

Проблемы привлечения молодёжи в науку и престиж профессии

Третье направление, о котором много говорили информанты, связано с проблемами

привлечения молодёжи в науку. Этот вопрос волновал абсолютное большинство участников интервью, поскольку все они занимаются подготовкой аспирантов и хорошо понимают проблемы в этой сфере. Из интервью следует, что основная причина слабого интереса молодёжи к науке – финансовая. С точки зрения размеров заработной платы у науки низкая конкурентоспособность в сравнении с другими сферами деятельности, в том числе и высокотехнологичными. Об этом говорили информанты всех возрастов.

«Хорошие студенты перестали продолжать учёбу в аспирантуре. Это обидно. Понимают, что айтишником, пиарщиком в коммерческой сфере быть выгоднее. В 90-е единицы уходили, а сейчас не идут в науку» (канд. ист. наук, МГУ, нет советского опыта);

«Когда появилась возможность заниматься бизнесом, стало сложнее оставить в аспирантуре сильного студента» (канд. юрид. наук, ТГУ, есть советский опыт).

По этой же причине снизился интерес молодёжи к обучению в аспирантуре:

«Людей, которые вообще хотят поступать в аспирантуру и защищаться, стало намного меньше. И даже если есть такие желающие, то, в общем, как-то всё это помельчало, и с ними тяжело» (д-р физ.-мат. наук, КФУ, есть советский опыт);

«Аспиранту совершенно неинтересно бесплатно терять 4 года, а преподавателя абсолютно неинтересно бесплатно работать. Никто и не идёт в аспирантуру» (д-р физ.-мат. наук, СПбГУ, есть советский опыт);

«Сейчас мы аспирантов не видим, они не могут жить на 8–9 тыс. рублей. Это смешно. Печальный вывод, что аспирантура – это не поколение людей, которые придут в науку и образование. На 90% они где-то работают» (д-р экон. наук, МГУ, есть советский опыт).

Факторами притяжения могли бы стать интересные научные задачи и престиж профессии. Но и с тем, и с другим обнаружили проблемы. Отмечалось отсутствие больших

увлекательных научных задач и снижение важности науки для карьерного роста, а также падение престижа преподавателя. В рассуждениях о научных задачах текущая ситуация часто сравнивалась с советским периодом:

«Задач нет: возьмите конец 40-х годов, делали бомбу, пускали ракеты в космос, нужны были математики для очень точных расчётов. Таких задач сейчас нет в обществе. ...Уровень вопросов, которые сейчас приходится решать, совсем иной» (д-р физ.-мат. наук, КФУ, есть советский опыт);

«Качество [науки] парадоксально упало. Если бы нам такое рассказали в 1985-м, что так будет в 2023-м, мы бы не поверили. Что при таких возможностях, такие скромнейшие научные результаты» (канд. физ.-мат. наук, ТГУ, есть советский опыт).

Падение престижа связывалось в основном с финансовыми причинами. Об этом говорили как молодые преподаватели, так и их старшие коллеги:

«Сейчас часто смотрят по тому, как оплачивается профессия. Наши выпускники после выпуска получают раза в 3 больше нас. Это видят и школьники, и абитуриенты. Отношение к преподавателям другое совершенно» (канд. геол.-минерал. наук, ТГУ, нет советского опыта);

«Резкое падение престижа профессии. Много причин. Могли зарабатывать больше гораздо, чем другие сферы. И это было престижно в обществе. Престиж связан и с тем, что в 2013 году Академия была разгромлена. В Академии много что не так было по многим линиям, но не до такой степени, чтоб прямо так её» (д-р геогр. наук, МГУ, есть советский опыт).

Помимо этого, в качестве причины падения престижа профессии называлось отсутствие реального интереса к науке у администраторов в вузах:

«Сейчас, мне кажется, наука немножко в загоне. Кому она реально нужна в системе факультета, не очень понятно. Замдекана по науке у нас нет, на многих факультетах

нет. Это, мне кажется, отражает базовые процессы» (д-р ист. наук, ТГУ, нет советского опыта).

На наш взгляд, важным было наблюдение о снижении значимости учёной степени и нарушении соответствия между должностями и требованиями к квалификации:

«У нас никогда раньше не было, например, заведующих кафедрами – не докторов наук. Сейчас это достаточно распространено. Заведующий кафедрой в большей степени стал таким вот забучем, организатором, нежели действительно научным лидером» (д-р геол.-минерал. наук, СПбГУ, есть советский опыт).

Всё это вместе повлияло на то, что владел «финансовый аспект» в принятии решений о том, заниматься ли научной работой. Причём «меркантильное» отношение информанты отмечали даже у студентов:

«Если раньше студенты могли за идею в науке работать, то теперь обязательно заплата им нужна. Сколько я там буду получать? Вот первый вопрос, который задаёт студент» (д-р геол.-минерал. наук, КФУ, есть советский опыт).

Наконец, в заключении стоит отметить, что все компоненты в науке взаимосвязаны – финансовые, кадровые и организационные. Это хорошо выразил один из информантов:

«Грантовая система хороша, но быстро канализируется. А главное, конечно, количество денег, которое выделяется. Если нет нормального финансирования, поощрения научной деятельности, то притока желающих заниматься наукой нет» (д-р биол. наук, МГУ, есть советский опыт).

Выводы и заключение

Проведённые интервью продемонстрировали, что есть ряд проблем, которые остаются актуальными на протяжении длительного времени. Подтвердились некоторые особенности проведения научных исследований в вузах, которые ранее отмечались в ряде работ:

1) сильная бюрократия как следствие формализации отчётности [2; 3; 6];

2) снижение этических норм проведения исследований в погоне за выполнением показателей публикационной активности [14; 19];

3) сложности сочетания научной и педагогической работы из-за высокой преподавательской нагрузки [15];

4) неэффективность аспирантуры, её низкая привлекательность, и в целом слабый интерес молодёжи к научной карьере, в том числе из-за относительно низкой заработной платы [27; 28].

Примечательно, что информанты не вспоминали о государственных программах и инструментах поддержки. Понятно, что Проект «5-100», завершился, и интерес к его результатам иссяк. Однако в его продолжение действует расширенная программа «Приоритет-2030», в которой участвуют два из четырёх университетов, с сотрудниками которых проводились интервью. По всей видимости, очевидного эффекта, такого, чтобы можно было отнести его к участию университета в программе, преподаватели не чувствуют.

По итогам интервью можно выделить несколько параметров, характеризующих научную работу в вузах. Есть давление бюрократических процессов, связанных с отчётностью по научной работе, сокращающееся финансирование и система грантов с неоднозначными эффектами. С одной стороны, гранты способствуют увеличению числа качественных публикаций, профессиональному росту, развитию международного сотрудничества, но с другой, они порождают неравенство и расслоение, причём не всегда справедливое. Отчасти такое положение связано с тем, что в стране есть только один большой государственный научный фонд, в который все обращаются. Молодые информанты более позитивно воспринимали грантовую систему: они не застали других форм финансирования и многообразия грантовых фондов.

Важным аспектом научной работы оказалось недостаточное число или даже отсутствие крупных объединяющих задач, по аналогии с теми, которые ставились в советское время. По всей видимости, задачи технологического суверенитета ещё не транслировались на уровень отдельных лабораторий и научно-педагогических работников, либо в их решение вовлечён ограниченный круг специалистов.

Вместе с тем выяснилось, что научная работа слабо интегрирована с образованием. Нередки ситуации, когда занятия исследованиями воспринимаются как обременение, прописанное в эффективном контракте. Это усиливается общим отношением администрации к науке как к некоей функции, которую надо исполнить и выдать определённое число статей и патентов. В итоге у преподавателей снижается интерес к самому процессу исследований, поскольку он сопровождается постоянным давлением отчётных показателей. Результатом этого становятся в том числе проблемы привлечения молодёжи в науку, тем более в условиях падения престижа профессии. Характерно, что это отмечали даже молодые участники интервью.

Что можно изменить, чтобы научная работа в вузе стала привлекательнее? Оставляя за скобками общие проблемы недофинансирования – поскольку звучит достаточно призывов его увеличить – можно обратить внимание на несколько других аспектов научной работы.

Во-первых, недостаток «больших задач» и дисциплинарная неравномерность грантового финансирования могут быть частично компенсированы ростом числа междисциплинарных проектов. Это, помимо прочего,

отвечает и современным вызовам, связанным с формированием технологического суверенитета. Стимулы к междисциплинарным исследованиям могут вводиться на уровне как университетов, так и финансирующих организаций (через госзадание, конкурсы РНФ). Практика ряда ведущих университетов показывает, что поддержка междисциплинарных исследований может осуществляться из внутренних фондов вузов.

Во-вторых, должна быть лучше структурирована тематическая повестка проектов, выполняемых на основе госзадания. Процесс уже начался, и он был инициирован руководством РАН. Академия отвечает за экспертизу проектов, в том числе по госзаданиям. Было предложено часть госзаданий выполнять по тематикам в интересах производственных компаний⁵. При этом будет формироваться «банк данных востребованных научных работ»⁶, с участием ведомств, научных советов РАН и высокотехнологичных компаний. Если пилотная апробация, начатая в 2025 г., будет успешной, имеет смысл более широко использовать этот подход.

В-третьих, следовало бы провести пилотный эксперимент по ослаблению норм по формальным показателям научных результатов. Фактически гонка за публикациями началась после издания в 2012 г. Указа Президента, в котором требовалось увеличить к 2015 г. долю публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных *Web of Science*, до 2,44 %⁷. Затем требования по публикациям появились в разных формах отчётности,

⁵ Волчкова Н. Пока за свои. Госзадание 2.0 профинансируют в рамках выделенных лимитов // Поиск, № 52, 27.12.2024. С. 4–5. URL: <https://poisknews.ru/releases/poka-za-svoi/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁶ Химишвили Г., Сироткин К. Глава РАН – РБК: «Были потеряны компетенции и технологические цепочки» // РБК, 03.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/interview/society/03/06/2024/6654ab5f9a7947b005c73c7b> (дата обращения: 10.04.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». URL: <https://rg.ru/documents/2012/05/09/nauka-dok.html> (дата обращения: 22.04.2025).

как по грантам, так и по программам развития университетов. В настоящее время *Web of Science* перестала быть ориентиром, появился отечественный «Белый список» журналов, и инерционно применяемые количественные требования можно было бы пересмотреть. Изначально библиометрические показатели устанавливались в связке с инициативами превосходства, включая Проект «5-100», что должно было способствовать улучшению позиций вузов в международных рейтингах. Когда было снято требование по публикациям в изданиях, индексируемых в международных базах, это автоматически повлекло за собой устранение исходной задачи по продвижению в международных рейтингах, где учитываются публикации в *Web of Science* и *Scopus*. Переход к «Белому списку», в котором аккумулированы качественные издания, на которые должны ориентироваться российские авторы, совсем необязательно должен сопровождаться сохранением повышенных библиометрических индикаторов. Коррекция численных ориентиров могла бы снизить давление отчётности и способствовать возрождению интереса, собственно, к проведению исследований.

В-четвёртых, важно хотя бы отчасти вернуть престиж учёных степеней и званий. Должна быть более ясной корреляция между квалификацией (степенью) и занимаемой должностью. То, как это было раньше, и о чём вспоминали информанты, представляется справедливым. Соблюдение «табеля о рангах» – не определяющее, но тем не менее важное условие уважения к профессии. Данное предложение – это посыл для дальнейших обсуждений. Оно, в том числе, связано с дискуссией о том, нужно ли сохранять двухступенчатую систему учёных степеней.

В заключение важно ещё раз отметить, что результаты показывают то, какой видят науку информанты. Это, по сути, саморефлексия участников системы науки, но не полная картина её состояния. Тем не менее полученные результаты информативны для понимания происходящих процессов. Люди

могут ошибаться, видеть отдельные фрагменты, которые важны лично для них, и не думать о широкой картине происходящего в науке. Известно выражение «красота в глазах смотрящего»: мнения – это отражение того, на что обращают внимание. В данном опросе мнения показали болевые точки для большинства участвовавших в интервью преподавателей, актуальные для разных возрастов и дисциплин.

Дальнейшее направление исследований связано с расширением экспериментального поля за счёт дополнения его ещё двумя классическими университетами, имеющими статус национальных исследовательских, но не получавших финансирования по государственным программам превосходства. Это может показать отличия в восприятии научной деятельности между преподавателями «элитных» и менее поддерживаемых государством исследовательских университетов.

Литература

1. Курбатова М.В., Донова И.В. Эффективный контракт в высшем образовании: замыслы и результаты // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 23–41. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-23-41
2. Балацкий Е.В. Институт эффективного контракта в науке: проблемы и решения // Управление наукой и наукометрия. 2017. № 3. С. 35–60. EDN: ZHVDHB.
3. Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в системе высшего образования? // Высшее образование в России. 2017. № 5. С. 52–58. EDN: YNZYJJ.
4. Никулина И.Е. Эффективный контракт в вузе как драйвер повышения качества труда научно-педагогических работников // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 5. С. 9–19. EDN: XNOJFJ.
5. Prakhov I., Rudakov V. The Determinants of Faculty Pay in Russian Universities: Incentive Contracts // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 47/EDU/2018. 2018. 30 p. DOI: 10.2139/ssrn.3247107
6. Дежина И.Г. Научная политика в ведущих российских университетах: эффекты «нового менеджериализма» // Универси-

- тетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 3. С. 13–26. DOI: 10.15826/umpra.2020.03.023
7. Калинина И.А. О разработке целевых программ по реализации научного потенциала научно-педагогических работников университета // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. 2016. № 3 (87). С. 37–44. DOI: 10.21686/2413-2829-2016-3-37-44
 8. Губа К.С. Наукометрические показатели в оценке российских университетов: обзор исследований // Мир России. Т. 31. № 1. С. 49–73. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-49-73
 9. Кузьминов Я., Юдкевич М. Университеты в России: как это работает. М.: ВШЭ, 2021. 616 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2373-5
 10. Lind J.K. The missing link: How university managers mediate the impact of a performance-based research funding system // Research Evaluation. 2019. Vol. 28. No. 1. P. 84–93. DOI: 10.1093/reseval/rvy038
 11. Деркачев П.В., Варакина Ж.А., Гусева Н.С., Клишевич Н.С. Субъективная оценка преподавателями вузов влияния эффективного контракта на повышение показателей их научно-исследовательской работы // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 1. С. 54–67. DOI: 10.15826/umpra.2022.01.004
 12. Fursov K., Roschina Y., Balmush O. Determinants of Research Productivity: An Individual-level Lens // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 44–56. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.2.44.56
 13. Виноградова Н.А., Волков С.К., Леонтьева Е.Ю. Преподаватель или учёный: как привлечь молодёжь в науку? // Теоретическая экономика. 2021. № 3. С. 71–82. EDN: BLOHCB.
 14. Дежина И.Г., Сорокин, А.Н. Проект 5-100 в восприятии сотрудников университетов // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90
 15. Романов Е.В. Нормирование нагрузки преподавателей: проблемы и поиск решений // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 4. С. 64–81. DOI: 10.15826/umj.2016.104.029
 16. Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. The Russian University Excellence Initiative: Is It Really Excellence that Is Promoted? // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 49/EDU/2019. 2019. 35 p. DOI: 10.2139/ssrn.3391182
 17. Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. The Russian Excellence Initiative for higher education: a nonparametric evaluation of short-term results // International Transactions in Operational Research. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 1911–1929. DOI: 10.1111/itor.12742
 18. Ключарев Г.А., Невзоров А.В. Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 100–116. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116
 19. Трубникова Е.И. Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства // Мир России, 2022. Т. 31. № 1. С. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48
 20. Фадеева И.М., Алексюткина В.С. Как российские исследователи оценивают гранты – инструмент развития науки? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15826/umpra.2022.04.030
 21. Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Международные коллаборации вузовской науки: стимулы и препятствия // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 34–45. DOI: 10.31857/S013216250014592-4
 22. Abramo G., D'Angelo C.A., Solazzi M. Are researchers that collaborate more at the international level top performers? An investigation on the Italian university system // Journal of Informetrics. 2011. No. 5 (1). P. 204–213. DOI: 10.1016/j.joi.2010.11.002
 23. Abramo G., D'Angelo C.A., Di Costa F. The collaboration behavior of top scientists // Scientometrics. 2019. No. 118. P. 215–232. DOI: 10.1007/s11192-018-2970-9
 24. Sugimoto C.R., Robinson-Garcia N., Murray D.S., Yegros-Yegros A., Costas R., Larivière V. Scientists Have the Most Impact When They're Free to Move // Nature. 2017. No. 55. P. 29–31. DOI: 10.1038/550029a
 25. Краснова Г.А., Бурангулов Э.Р. Анализ принципов, моделей и механизмов финансирования вузовской науки в России // Управление наукой и наукометрия. 2022. Т. 17. № 1. С. 108–135. DOI: 10.33873/2686-6706.2022.17.1.108-135

26. Жарова Е.Н., Агамирова Е.В. Мониторинг инструментов финансовой поддержки молодых исследователей в России // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15. № 3. С. 356–409. DOI: 10.33873/2686-6706.2020.15-3.356-409
 27. Уражок Т.В. Отношение аспирантов к аспирантуре и научно-преподавательской деятельности // Alma mater. Вестник высшей школы. 2021. № 1. С. 57–64. DOI: 10.20339/AM.01-21.057
 28. Семенова А.А. Привлекательность научной карьеры в оценках молодёжи / Ащеулова Н.А., Зенкевич С.И., Куприянов В.А. (ред.). Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. Международный ежегодник. 2021. Т. 7 (37). Санкт-Петербург: Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. С. 143–154. DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-143-154
 29. Душина С., Николаенко Г., Евсикова Е. Время работать в России? Молодые учёные в условиях институциональных изменений // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 3. С. 29–50. EDN: WKTRID.
 30. Видревич М.Б. Университетская наука России: основные проблемы и пути их решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 239 (1). С. 144–161. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-239-1-144-161
 31. Ефимова Г.З., Грибовский М.В. Престиж университетского преподавателя в России: историческая ретроспектива и современное состояние // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 2. С. 30–44. DOI: 10.15826/umpra.2023.02.011
 32. Герасимова О.Я. Ценностно-мотивационные ориентации аспирантов и их карьерные траектории // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 10. С. 1631–1644. DOI: 10.18334/et.9.10.116357
 33. Лабынцева И.С. Особенности мотивации научной деятельности современных аспирантов // Вопросы педагогики. 2021. № 6–1. С. 210–216. EDN: IMYVZI.
 34. Ростовцева М.В., Волкова О.В. Современная российская аспирантура: проблемы и ключевые факторы развития // Образование и саморазвитие. 2024. Т. 19. № 3. С. 149–164. DOI: 10.26907/esd.19.3.11
 35. Терентьев Е., Рыбаков Н., Бедный Б. Зачем сегодня идут в аспирантуру // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 40–69. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-40-69
 36. Ольков А.С., Костикова Л.П., Федотова О.С. Научно-исследовательская деятельность аспирантов и адъюнктов: результаты онлайн-опроса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 10. С. 139–155. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11160
- Благодарности.** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00048⁸.
- Статья поступила в редакцию 16.05.2025
Принята к публикации 21.06.2025

References

1. Kurbatova, M.V., Donova, I.N. (2023). Effective Contract in Higher Education: Intentions and Outcomes. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 4, pp. 23–41, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-23-41 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Balatsky, E.V. (2017). The Institution of Efficient Contract in Science: Problems and Solutions. *Upravleniye naukoy i naukometriya = Science Governance and Scientometrics*. No. 3, pp. 35–60. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30060454_61866128.pdf (accessed 10.04.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
3. Kraynov, G.N. (2017). [Whether There Will Be an Effect from the Effective Contract in System of Higher Education?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 5 (212), pp. 52–58. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29154958_35167977.pdf (accessed 10.04.2025). (In Russ., abstract in Eng.).

⁸ Сайт Российского научного фонда. URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00048/> (дата обращения: 22.04.2025).

4. Nikulina, I.E. (2018). [Effective Contract at the University as a Driver of Work Quality Improvement of Scientific and Pedagogical Workers]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 5, pp. 9-19. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_34933078_86671883.pdf (accessed 10.04.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
5. Prakhov, I., Rudakov, V. (2018). The Determinants of Faculty Pay in Russian Universities: Incentive Contracts. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 47/EDU/2018*, 30 p., doi: 10.2139/ssrn.3247107
6. Dezhina, I.G. (2020). Science Policy in Leading Russian Universities: Effects of "New Managerialism". *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. Vol. 24, no. 3, pp. 13-26, doi: 10.15826/umpa.2020.03.023 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Kalinina, I.A. (2016). Designing Target Programs Aimed at Realization of Research Potential of Research and Pedagogical Staff of the University. *Vestnik REU imeni G.V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No. 3, pp. 37-44, doi: 10.21686/2413-2829-2016-3-37-44 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Guba, K.S. (2022). Scientometric Indicators in the Evaluation of Russian Universities: a Literature Review. *Mir Rossii = Universe of Russia*. Vol. 31, no. 1, pp. 49-73, doi: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-49-73 (In Russ., abstract in Eng.).
9. Kuzminov, Y.I., Yudkevich, M.M. (2021). *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Russian Universities: How the System Works]. Moscow: HSE, 616 p., doi: 10.17323/978-5-7598-2373-5 (In Russ.).
10. Lind, J.K. (2019). The Missing Link: How University Managers Mediate the Impact of a Performance-Based Research Funding System. *Research Evaluation*. Vol. 28, no. 1, pp. 84-93, doi: 10.1093/reseval/rvy038
11. Derkachev, P.V., Varakina, Zh.L., Guseva, N.S., Klishevich N.S. (2022). Subjective Assessment by University Teachers of the Effective Contract Impact in Universities on Improving the Indicators of Their Research Work. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. Vol. 26, no. 1, pp. 54-67, doi: 10.15826/umpa.2022.01.004 (In Russ., abstract in Eng.).
12. Fursov, K., Roschina, Y., Balmush, O. (2016). Determinants of Research Productivity: An Individual-level Lens. *Foresight and STI Governance*. Vol. 10, no. 2, pp. 44-56, doi: 10.17323/1995-459X.2016.2.44.56
13. Vinogradova, N.L., Volkov, S.K., Leontyeva, L.Yu. (2021). Lecturer or Scientist: How to Involve Young People in Science? *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*. No. 3, pp. 71-82. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46208420_22941567.pdf (accessed 10.04.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
14. Dezhina, I.G., Sorokin, A.N. (2022). The Perception of the Project 5-100 by University Employees. *Mir Rossii = Universe of Russia*. Vol. 31, no. 1, pp. 74-90, doi: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90 (In Russ., abstract in Eng.).
15. Romanov, E.V. (2016). Regulating Workload of Lecturers: Challenges and Search for Solution. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 4, pp. 64-81, doi: 10.15826/umj.2016.104.029 (In Russ., abstract in Eng.).
16. Matveeva, N., Sterligov, I., Yudkevich, M. (2019). The Russian University Excellence Initiative: Is It Really Excellence that Is Promoted? *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 49/EDU/2019*, 35 p., doi: 10.2139/ssrn.3391182
17. Agasisti, T., Shibanova, E., Platonova, D., Lisyutkin, M. (2020). The Russian Excellence Initiative for Higher Education: A Nonparametric Evaluation of Short-Term Results. *International Transactions in Operational Research*. Vol. 27, no. 4, pp. 1911-1929, doi: 10.1111/itor.12742

18. Kliucharev, G.A., Neverov, A.V. (2018). Project “5-100”: Some Interim Results. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18, no. 1, pp. 100-116, doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116 (In Russ., abstract in Eng.).
19. Trubnikova, E.I. (2022). The Exchange of Gifts in the Academic Sphere: Predatory Practices, False Signals, and Conflicts of Interest in Excellence Programs. *Mir Rossii = Universe of Russia*. Vol. 31, no. 1, pp. 25-48, doi: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48 (In Russ., abstract in Eng.).
20. Fadeeva, I.M., Aleksutkina, V.S. (2022). How do Russian Researchers Evaluate Grants as a Tool for the Development of Science? *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. Vol. 26, no. 4, pp. 56-70, doi: 10.15826/umpa.2022.04.030 (In Russ., abstract in Eng.).
21. Dezhina, I.G., Kliucharev, G.A. (2021). International Collaborations of the University Science: Incentives and Obstacles. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 6, pp. 34-45, doi: 10.31857/S013216250014592-4 (In Russ., abstract in Eng.).
22. Abramo, G., D’Angelo, C.A., Solazzi, M. (2011). Are Researchers That Collaborate More at the International Level Top Performers? An Investigation on the Italian University System. *Journal of Informetrics*. No. 5 (1), pp. 204-213, doi: 10.1016/j.joi.2010.11.002
23. Abramo, G., D’Angelo, C.A., Di Costa, F. (2019). The Collaboration Behavior of Top Scientists. *Scientometrics*. No. 118, pp. 215-232, doi: 10.1007/s11192-018-2970-9
24. Sugimoto, C.R., Robinson-Garcia, N., Murray, D.S., Yegros-Yegros, A., Costas, R., Larivière, V. (2017). Scientists Have the Most Impact When They’re Free to Move. *Nature*. No. 55, pp. 29-31, doi: 10.1038/550029a
25. Krasnova, G.A., Burangulov, E.R. (2022). Analysis of the Principles, Models and Mechanisms of Financing of University Science in Russia. *Upravleniye naukoy i naukometriya = Science Governance and Scientometrics*. Vol. 17, no. 1, pp. 108-135, doi: 10.33873/2686-6706.2022.17-1.108-135 (In Russ., abstract in Eng.).
26. Zharova, E.N., Agamirova, E.V. (2020). Monitoring the Tools of Financial Support Available to Young Researchers in Russia. *Upravleniye naukoy i naukometriya = Science Governance and Scientometrics*. Vol. 15, no. 3, pp. 356-409, doi: 10.33873/2686-6706.2020.15-3.356-409 (In Russ., abstract in Eng.).
27. Urazhok, T.V. (2021). Postgraduates’ Attitude Towards Postgraduate Education and Scientific and Lecturing Activity. *Alma Mater*. No. 1, pp. 57-64, doi: 10.20339/AM.01-21.057 (In Russ., abstract in Eng.).
28. Semenova, A.A. (2021). [The Attractiveness of a Scientific Career in Youth Assessments]. In: Asheulova N.A., Zenkevich S.I., Kupriyanov V.A. (Eds). *Problemy deyatelnosti uchenogo i nauchnykh kolektivov. Mezhdunarodnyi ezhegodnik* [The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity. International Annual Papers]. Vol. 7 (37). Saint-Petersburg: S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, pp. 143-154, doi: 10.24412/2414-9241-2021-7-143-154 (In Russ., abstract in Eng.).
29. Dushina, S.A., Nikolaenko, G.A., Evsikova, E.V. (2016). Time to Work in Russia? Young Scientists in the Context of Institutional Changes. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii = Sociology of Science and Technology*. Vol. 7, no. 3, pp. 28-50. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26630568_27628610.pdf (accessed 10.04.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
30. Vidrevich, M.B. (2023). Russian University Science: Main Problems and Ways to Solve Them. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 239 (1), pp. 144-161, doi: 10.38197/2072-2060-2023-239-1-144-161 (In Russ., abstract in Eng.).

31. Efimova, G.Z., Gribovskiy, M.V. (2023). Prestige of a University Teacher in Russia: Historical Retrospective and Current State. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. Vol. 27, no.2, pp. 30-44, doi: 10.15826/umpa.2023.02.011 (In Russ., abstract in Eng.).
32. Gerasimova, O.Ya. (2022). Motivational and Value Orientations of Graduate Students and Their Career Trajectories. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labour Economics*. Vol. 9, no. 10, pp. 1631-1644, doi: 10.18334/et.9.10.116357 (In Russ., abstract in Eng.).
33. Labyntseva, I.S. (2021). Peculiarities of Motivation of Scientific Activity of Modern Graduate Students. *Voprosy pedagogiki* [Pedagogical Issues]. No. 6-1, pp. 210-216. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46181242_61168496.pdf (accessed 10.04.2025). (In Russ.).
34. Rostovtseva, M.V., Volkova, O.V. (2021). Modern Russian Postgraduate Studies: Problems and Key Factors of Development. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*. Vol. 19, no. 3, pp. 149-164, doi: 10.26907/esd.19.3.11 (In Russ.).
35. Terentev, E., Rybakov, N., Bednyi, B. (2020). Why Embark on a PhD Today? A Typology of Motives for Doctoral Study in Russia. *Voprosy Obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 1, pp. 40-69, doi: 10.17323/1814-9545-2020-1-40-69
36. Olkov, A.S., Kostikova, L.P., Fedotova, O.S. (2024). Research Activities of Postgraduate Students and Adjuncts: Results of the Online Survey. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Koncept" = Periodical Methodological Electronic Magazine Koncept*. No. 10, pp. 139-155, doi: 10.24412/2304-120X-2024-11160 (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgement. The research was supported by RSF grant No. 23-18-00048⁹.

The paper was submitted 16.05.2025

Accepted for publication 21.06.2025

Science Index РИНЦ-2023

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	10,445
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	9,735
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	9,251
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	9,187
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	8,248
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	8,032
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	7,998
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИКА И АНАЛИЗ	6,973
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	6,567
АЛМА МАТЕР (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)	3,681
ПЕДАГОГИКА	3,606
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	3,308

⁹ Сайт Российского научного фонда. URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00048/> (дата обращения: 22.04.2025).